

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 105–112. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 105–112. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 347.2

EDN ABWETO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-105-112>

НЕДЕЛИМАЯ ВЕЩЬ В ОКОВАХ МЕТАФИЗИКИ

Вольфсон Владимир Леонович, кандидат юридических наук, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, vwolfson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9169-3161>

Аннотация. В статье рассматривается важнейшая для цивилистики проблема неделимости вещи. Отсутствие её удовлетворительных решений связывается автором с методологией, которую он называет метафизической, а также с логическими ошибками в построении правовой конструкции неделимой вещи в ст. 133 ГК. Как следствие, разбирательство дел, в которых необходимо решить вопрос о том, является ли вещь неделимой, либо вовсе обходится без изучения интересов сторон спора, либо подменяет их абстрактным восприятием участников оборота. В работе обсуждаются гносеологические и исторические корни этой традиции в российском праве, в том числе влияние французской и германской доктрины. Собственный подход автора позволит, по его мнению, учесть интересы участников каждого отдельного правоотношения. Способность вещи выступать в обороте как единое целое должна учитываться только постольку, поскольку она, как это целое, представляет ценность для тех лиц, которых касается спор о неделимости вещи. Применение этого подхода показывается на практических примерах. Обсуждаются возможные варианты изменения нынешнего правового режима. Итогом работы становится предложение новой легальной конструкции неделимой вещи.

Ключевые слова: неделимая вещь, сложная вещь, принципы регулирования частных правоотношений, осуществление субъективных гражданских прав, интересы субъектов гражданских правоотношений.

Для цитирования: Вольфсон В.Л. Неделимая вещь в оковах метафизики // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 105–112. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-105-112>

Research Article

INDIVISIBLE THING IN THE FETTERS OF METAPHYSICS

Vladimir L. Volfson, Cand. Sci. (Jur.), North-West Institute of Management, Branch of RANEPA, St. Petersburg, Russia, vwolfson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9169-3161>

Abstract. The article deals with the problem of indivisibility of the thing, a major challenge for civil law doctrine over ages. In author's view, the lack of satisfactory solutions to this problem stems from a methodological flaw referred in the work as 'metaphysical'. Combined with mistakes in the construction of Art. 133 of the Russian Civil Code, this approach leads to legal proceedings which fail to provide a fair solution to indivisibility issue. Courts may either ignore interests of the parties involved in the dispute altogether or replace them with a construed concept of the perception held by participants of legal turnover. The author also investigates epistemological and historic roots of this tradition, particularly in the German and French doctrine. The author's own approach suggests taking into account the interests of those individuals who are the parties to the dispute. Whether a thing acts as a single entity in turnover is solely dependent on the nature of its value for the persons who may be affected by the outcome of this case. Provided is some case modelling to show practical consequences this approach involves. After exposing various options of amending the current law, the author puts forward proposals he deems will serve best to cope with the issue of indivisibility.

Key words: indivisible thing, complex thing, concepts of private law regulation, exercise of civil rights, interests of the parties to civil legal relation.

For citation: Volfson V.L. An indivisible thing in the fetters of metaphysics. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 105–112. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-105-112>

Задача гармонизации частных интересов – единственная задача нормотворчества в области гражданского (частного) права.

Для того чтобы она успешно решалась, прежде всего требуется глубоко и ясно понимать природу тех интересов, которые затем предстоит выразить в нормах права, причём сделать это так, чтобы правовое регулирование обеспечивало равновесие в их объективном противостоянии. Умелая юридическая техника – это требование уже следующего уровня. Но проникновение в природу подлежащих защите интересов ведёт и к отсеиванию тех ориентиров, которые не должны учитываться при конструировании правовой нормы¹. Между тем отечественное законодательство в области частного права и цивилистическое знание в целом испытывают на себе системное воздействие мировосприятия, которое исходит из посторонних указанным задачам частного права соображений. Эти соображения могут относиться к публично-правовым ценностям, в частности – к «политико-правовым соображениям», «интересам правопорядка» и т. п. [Карапетов: 141–149]², к ценностям вне правового признания и даже к явлениям, не имеющим ценностной природы (физическим объектам, в частности). Такая направленность поиска в постороннюю частному праву область, т. е. к тому, что не имеет отношения к субъективным интересам, мы будем именовать правовой метафизикой, имея в виду рассуждение, выходящее за пределы явлений, которыми только и могут быть верифицированы (проверены на истинность) утверждения о правильности его выводов³; таковыми явлениями здесь принимаются интересы субъектов частных прав.

Нужно сказать о том, что этот метафизический способ рассуждения глубоко укоренился в правовой мысли – дело выглядит так, словно бы неопозитивизм и лингвистический поворот в философии⁴ вовсе не оказали на неё влияние. Отрицательные последствия метафизического мышления прежде всего принимают на себя те области гражданского права, где открывается соблазн подменить конструкцию, возникшую из учёта частного-правовых интересов, доктринальными и нормотворческими решениями, выражающими некое общее здравомыслие, которое, однако, на практике оказывается праздномыслием, ибо равнодушно к истинным задачам гражданского права. Таковы, безусловно, построение систем цивилистических классификаций и даже выделения категорий вне классификаций – в этих случаях вопрос о том, чему именно служит гражданское право, стоит принципиально, ведь нужно дать выражение существенным признакам явлений. Закономерно, особую остроту метафизическая проблема в цивилистике приобретает тогда, когда предметом классификаций или категориального деления становятся правовые

явления, которые изначально открыты для посторонних частно-правовым интересам суждений – будь то публично-правовые соображения или же свойства, вовсе не имеющие отношения к миру права, например естественные свойства вещей. Поэтому гражданско-правовая классификация вещей неизбежно принимает на себя удар метафизического правоведения.

Вероятно, правовой режим каждой из выделенных подкатегорий вещей в нашем ГК заслуживает обстоятельного и взыскательного изучения на предмет проникновения метафизических (посторонних) соображений. Можно было бы указать на то, что недвижимость как объект гражданских прав выделилась в категориальную разновидность не потому, что относимые к ней вещи настолько прочно связаны с землёй, что перемещение их без несоразмерного ущерба назначения невозможно (садовая скамейка – тоже недвижимость?) [Вольфсон 2022], но потому, что благодаря ряду свойств, прежде всего простоте идентификации, эти вещи выполняют незаменимые функции в обороте – они являются идеальным предметом залога и объектом капиталовложений. Недвижимость, таким образом, будучи важнейшей для системы вещной классификации категорией с точки зрения защищаемого интереса, в легальном своём режиме предстаёт не вполне тем, чем является на самом деле⁵. Но нам в этой статье предстоит исследовать правила о неделимости вещи – как представляется, они страдают тем же самым пороком.

В период действия первой редакции ГК, до вступления в силу Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (в дальнейшем – ФЗ-142), т. е. с 1 января 1995 г. до 1 октября 2013 г., применялся критерий неделимости, вовсе не учитывающий интересы, которые удовлетворяются использованием вещи. Неделимой призналась вещь, раздел которой в натуре невозможен без изменения ее назначения. Это означало, что законодатель не считался с тем, что вещь является благом, ценностью. Подобные положения имеются и в Германском гражданском уложении (§ 93)⁶. Подход германского законодателя основывался на сознательном стремлении создать логически и системно совершенные категории, что стало итогом эволюции пандектистики [Цвайгерт, Кётц: 222], на завершающем своём этапе под влиянием как «юриспруденции понятий» (Begriffsjurisprudenz), так и внешне ей противостоящей школы «свободного права» (Freirechtsschule) [Покровский: 95], усилившей своё изначальное тяготение к абстрактным нормам, которые критики называют «каучуковыми» [Покровский: 103 и др.]. То, что подход может быть другим, мы увидим на примере французского законодательства. Однако нас занимает не генезис

образования таких понятий, а то, что их объективное прочтение, независимо от того, какой вид может придать их содержанию практика, свидетельствует о равнодушии к цели гражданского права – учёту и гармонизации интересов участников правоотношений.

На наш взгляд, метафизический дух, который даёт о себе знать в ст. 133 в её прежней редакции, как и других подобных легальных правилах, относится не к «высокой» философии, где он выступает одной из схем миропостижения, а к тому, что иногда называют стихийной, или бытовой, метафизикой. Этот способ мышления видит в вещах не столько непостижимую, неподдающуюся верификации реальность (*Ding an sich*⁷), а некую самоочевидную для такого сознания когнитивную конечность. Вещь для такого мышления выступает как семиотически самодостаточная, самоозначиваемая реальность. Атрибутирование вещи каких-либо свойств будет определяться непосредственно воспринимаемыми физическими данными. Если вещь инстинктивно неделима, то такое сознание будет наделять её режимом неделимости во всех связях и отношениях, в которых эта вещь пребывает. Между тем в диалектическом понимании мира свойства вещи не неизменны уже потому, что вещь видится всегда участвующей в связях с другими явлениями, а значит, эти свойства могут зависеть от причинного воздействия, осуществляемого благодаря этим связям, или же менять свои значения в зависимости от того, какая именно связь (с каким коррелятом) имеется в виду. Очевидно, что диалектический тип мышления исключит зависимость правовых свойств вещей от их физических (а на самом деле – метафизических, т. е. посторонних тем задачам, которые нужно решить) свойств. В цивилистическом смысле никакого априорного назначения ни у одной гражданско-правовой вещи не существует, они все «вещи» – блага, способные, благодаря набору своих качеств, удовлетворять определённые интересы участников оборота: существо их правообъектности всегда задаётся именно этой способностью. По этой причине описанный здесь подход не подразумевал, что неделимость понималась в физическом смысле. Гражданское право имеет дело с благами, обладающими ценностным эквивалентом [Вольфсон 2021: 62], и, конечно, изначально могло рассматривать цивилистическое свойство делимости только с позиций ценности для оборота, во всяком случае в противопоставлении с физической делимостью. Данное обстоятельство не будет лишним подчёркивать во всех трудах по вещному праву, что и делалось дореволюционными цивилистами [Дювернуа: 46; Шершеневич: 175; Мейер: 172]. Проблема в том, что видеть в благе ценность, в том числе и в свойстве её неделимости, можно метафизически, т. е. так, как описано выше, приписывая ей неизменный на-

бор ценностных предикатов [Дювернуа: 47]: в таком понимании, например, любой дом не будет делимой вещью⁸, а коллекция марок, наоборот, делима, во всяком случае – на основе презумпции. Однако для гражданского оборота должна иметь значение только динамически понимаемая ценность, которая складывается ситуативно, в определённом контексте, а для неделимости вещей – как правило, в виде определённой концепции вещи, чаще всего составной. Тем не менее в тех случаях, когда это соображение не проходило незамеченным для цивилистической мысли, она ссылалась на него лишь для того, чтобы показать условность существующих критериев делимости. Так, в начале XX в., сразу после принятия ГТУ, Н.Л. Дювернуа писал: «В этом различении всегда будет много моментов фактических, трудно поддающихся обобщениям. Для обобщения вопроса Дербург берет как пример связь печей с домом и замечает, что в прирейнских областях жилец обыкновенно приносит со своей движимостью и свою печь и, стало быть, её нельзя назвать составной частью здания; а у нас, например на берегах Невы, помещение без печей, конечно, основательнее будет называть сараем, чем домом или жилым помещением для людей вообще» [Дювернуа: 35]. В большинстве же случаев это соображение, как кажется, не является очевидным для цивилистов, о чём можно судить по соответствующим разделам в трудах по объектам гражданских прав и в учебниках разных лет, где оно почти не встречается [Шершеневич, 172; Постатейный комментарий: 49; Гражданское право: 358].

Концепция реформы гражданского законодательства (далее – Концепция) не содержала положений об правообъектном режиме неделимой вещи как таковой, ограничиваясь суждениями, которые относились к составным частям такой вещи (п. 3.1 Концепции), а также касались перехода вещных прав и связанных с этим переходом вопросов. Сетую на то, что нашему законодательству неизвестны критерии, по которым при переходе в состав неделимой вещи другая вещь считается утратившей свойства своей правообъектности, авторы Концепции полагали, что составной частью неделимой вещи «целесообразно считать все то, что относится к ее составу *согласно представлениям участников гражданского оборота* (курсив мой. – В. В.) и не может быть отделено от вещи без ее разрушения, повреждения или изменения ее функционального назначения» [Концепция 3.1]. Таким образом, правообъектная судьба части составной вещи ставилась в зависимость от динамического (хотя и абстрактного) ценностного критерия, что можно было считать скромным прогрессом. Здесь же предлагались и дополнительные критерии.

В пореформенном тексте ГК гипотеза правообъектности неделимой вещи была расширена за счет

указания на то, что она может иметь составные части, но при этом такие части утрачивают свою прежнюю вещную правообъектность – из их соединения возникает новая вещь, которая «выступает в обороте как единый объект вещных прав». Для нас очевидно, что последнее правило выражает и динамический ценностный подход, причём применительно к вещи в целом, а не к составной части, как предлагалось в Концепции⁹. Действительно, лишь один предикат правила заключается в том, что разрозненные вещи, соединяясь в новую правовую субстанцию, делегируют ей как правовое качество своей вещности в целом, так и отдельные её свойства, а новая вещь обретает новые качества и новые свойства, не сводимые к сумме делегированных ей качеств и свойств. Другой же смысл – и, соответственно, признак неделимой вещи – у этого правила в том, что сама по себе осуществимость такого качественного перехода возможна была только в силу наличия у этой новой субстанции ценности, которая возникает при слиянии вещей в единое ценностное целое в силу некоторой концепции¹⁰. Эта динамическая концептуальность нового единства, которая, как уже говорилось, является наиболее явной в составной вещи, конечно, может иметь только ценностную природу. В обратном случае придание юридического значения такому переходу было бы лишено какого-либо смысла. Ценностный предикат неделимости следует также из догматического толкования: способность вещи выступать в обороте «как единый объект вещных прав» противопоставлена в ст. 133 назначению вещи и лексически, и тем, что несводимо к качествам целостности («раздел невозможен без разрушения, повреждения или изменения назначения»).

Из высказанного положения следует, что автор этой статьи не считает неделимыми сложные вещи. Если единая ценность, выраженная в концепции соединения, не столь значительна, чтобы создать правообразующий эффект – поглотить вещную природу соединяемых вещей и привести к созданию новой вещи, воплощающей в себе эту доминирующую ценность, – то это значит только то, что вещи, вошедшие в состав сложной вещи, не утратили своей ценности для интересов участников правоотношения (по умолчанию следующих из обычных представлений участников оборота) и, конечно, не делегировали своей правообъектности сложной вещи. Поэтому такая вещь по определению делима. Образование данной категории вещей в гражданском законодательстве связано не с разрешением вопросов раздела, а с необходимостью распространить действие сделки, как это и указано в предусмотренной ФЗ-142 и, на наш взгляд, очень удачной редакции ст. 134, на все те вещи, соединение которых даёт основание для разумного предположения о том, что они будут использованы

по общему назначению, определяемому таким соединением. Исключение из нормы в ФЗ-142 указания на то, что эти вещи образуют «единое целое», представляется поэтому принципиальным решением законодателя, а не следствием редакционного усовершенствования нормы. При этом вопрос о делимости сложной вещи является в отечественной науке дискуссионным [Рахвалова: 329–332].

А вот признание неделимости ценностью для оборота вышло в ФЗ-142 неуклюжим. За этой неделимостью словно бы нет никаких интересов – и в этом смысле она есть ценность снова метафизическая, внеположная области значений, в отношении которых должен проходить верификационный поиск. Но ценность становится ценностью лишь тогда, как она становится объектом интереса; интерес в гражданском праве имеют определённые субъекты; и подлежат учёту интересы только тех из них, кто участвует в том отношении, по поводу которого возник спор.

Однако обращают на себя внимание и более очевидные недостатки нынешнего определения неделимой вещи – логические. После реформы правило о неделимости, по сути дела, превратилось в двухступенчатый тест. Необходимы утвердительные ответы на оба следующих вопроса. Правда ли, что раздел вещи в натуре без разрушения, повреждения вещи или изменения назначения невозможен? Выступает ли она в обороте как единый объект вещных прав? Легко заметить неприменимость такого теста.

Во-первых, если вещь действительно выступает как единый объект вещных прав, то требование о сохранении её физического единства (в чём бы оно ни выражалось) должно быть снято как частное при наличии более общего. При этом составные вещи – любая коллекция, собрание книг и проч. – соответствует критерию единой правообъектности изначально. Во-вторых, если вещь при дезинтеграции утратит способность «служить своему назначению», она не сможет выступать в обороте и как единое целое, потому что в чём бы ни заключалось назначение вещи, оно, благодаря введению ценностного критерия, до своего раздела всегда определялось этим самым единым целым. Как уже говорилось, переход к новому качеству предполагает обладание новым объектом вещностью, доминирующей и поглощающей вещные сущности составивших её бывших вещей, и такого рода переход может объясняться только интересом в создании новой ценности. Если так, то эта новая ценность, конечно же, и должна определять назначение вещи. Итак, любое назначение вещи всегда зависит от способности выступать в обороте единым целым. В-третьих, бессмысленным является и требование недопустимости разрушения как такового – не может быть такого разрушения, при котором вещь продолжала бы выступать единым

вещным целым (это обязательный предикат, в формуле нет дизъюнкции), и разрушение это несовместимо было бы с квалификацией вещи как неделимой. В-четвёртых, указание на недопустимость вреда как следствие раздела и вовсе представляется нелепым: совершенно неясно, почему вред должен непременно отнимать у вещи существенные свойства единого целого; более того, как уже говорилось, закон сам содержит критерий составной части вещи, который заключается в том, что «замена одних составных частей неделимой вещи другими составными частями не влечет возникновения иной вещи, если при этом существенные свойства вещи сохраняются». Таким образом, не только причинённый какой-либо части вред, но и замена составной части сами по себе не могут привести к возникновению новой вещи.

Но вернёмся к главной ошибке формулы ст. 133. Легитимация интереса во втором тесте для целей отнесения вещи к неделимым остаётся метафизической (либо учитывающей интересы не только тех субъектов, чьи интересы только и подлежат учёту, то есть лиц, участвующих в каких-либо отношениях по поводу этой вещи, либо и вовсе отвлечённой от интересов сторон правоотношения), а потому бессмысленной. Между тем та самая способность вещи выступать в обороте как единое целое должна учитываться только постольку, поскольку она как это целое представляет ценность для тех лиц, которых касается спор о неделимости вещи, то есть, по умолчанию, сторон спора о её разделе. Только такое понимание ценности избавит её от метафизической интерпретации – от ценностных, в том числе экономических или культурологических, значений, отстранённых от субъектов известного частно-правового отношения, – ибо только в этом случае частное право и будет решать свою единственную задачу – гармонизацию частных интересов определённых частных субъектов. Подчеркнём, что, поскольку не установлено иное, следует предполагать, что ценность вещи как единого целого для участника правоотношения соответствует обычным представлениям участников оборота.

Изложенный подход к неделимости вещи влечёт вполне определённые практические выводы. Их было бы полезно рассмотреть на некоторых примерах.

Прежде всего, если, несмотря на фатальность последствий для использования вещи как единого целого при её разделе по тому назначению, с которым оборот обыкновенно связывает её ценность, обе стороны спора безразличны к таким последствиям и готовы поделить эту вещь, суд без колебаний должен принять решение о разделе. Мотивы, как всегда в гражданском праве, неважны: это могут быть супруги, символически делящие коллекцию или даже физически единую вещь (допустим, раскалывают тарелку, и каждый берёт приблизительно по половине

осколков). Это самое простое последствие: оно исходит из того, что гражданское право не будет охранять никакой интерес, кроме частного. И если между частными интересами имеется согласие, то гражданско-правовой спор отсутствует, для гражданского права нет интересов, нуждающихся в защите.

Далее, если суд установит, что вещь имеет для сторон ценность, но не ту, что является обычной для оборота и обеспечивается как натуральным, так и концептуальным единством, он может принять решение об её разделе и в том случае, если ответчик будет против этого возражать, если исходя из существа интересов сторон вещь не является в контексте их правоотношения неделимой. Представим себе антикварную (не античную, чтобы не возникло публично-правовой проблемы) вазу. Истец настаивает на её разделе и представляет в материалы дела справку от эксперта о том, что сумма стоимости фрагментов вазы будет значительно превосходить стоимость вазы в целом. На заданный судом вопрос – видит ли ответчик в этой вазе какую-либо эстетическую, личностную, историческую и любую иную нематериальную ценность – тот даёт отрицательный ответ. На уточняющий вопрос «Верно ли, что ваза вас интересует только как носитель относительной (конвертируемой) экономической стоимости?» следует утвердительный ответ. В этом случае суд должен удовлетворять требование истца о разделе вазы, то есть, по существу, об её расколе, – несмотря на возражение ответчика. Как для истца, так и для ответчика ценность вазы была такого свойства, при котором преодолевается презумпция неделимости такой вещи, следующая из того, что согласно обычным представлениям участников оборота такая вещь рассматривается как единый объект вещных прав. Руководствуясь нематериальным подходом к этому единству, который бы привёл к требованию учитывать внеположный правоотношению истца и ответчика критерий абстрактного гражданского оборота, а теми соображениями, которые только и могут иметь значение для разрешения дела, т. е. интересами собственников вазы, гражданское право не должно здесь рассмотреть неделимой вещи.

Наконец, если имущество, обычно не выступающее в обороте как единое целое, обладает единством в представлении одной из сторон спора, суд не вправе его разделить – вновь потому, что значение имеют только интересы тех лиц, кого касается квалификация вещи как неделимой. Например, супруги привозили из путешествий незамысловатые и малоценные безделушки – так называемые «сувениры», пусть «магнитики». За годы поездок их скопилось достаточно много. Концептуального единства, в обычном представлении участников оборота, они не образуют – это не коллекция, не библиотека, не гербарий. Тем не ме-

нее, если суд сочтёт себя убеждённым в том, что это хаотическое, *prima facie*, собрание представляет собой ценность для ответчика как единое целое, в иске о разделе должно быть отказано.

Итак, основная идея этой работы заключается в необходимости разрешать любые коллизии частного права, в особенности же требующие применения категориального деления, избегая чужеродных частным интересам соображений, т. е. не допускать метафизики как рассуждения, внеположного коррелятам верификации. Будучи общей для всего юридического мышления, эта гносеологическая установка должна, конечно, находить выражение на разных уровнях профессиональной деятельности – и в доктрине, и в законотворчестве, и в разрешении споров. Мало констатировать, что единство вещи является не столько физическим, сколько юридическим, т. е. определяемым ценностью единства вещи для оборота, поскольку такое единство не должно пониматься как изначальная и постоянная данность; оно всегда выражает некоторую концепцию, которая превращает отдельные вещи в новое ценностное целое, превосходящее сумму ценности этих вещей и поглощающее их правообъектность. Но и этого, как мы показали, ещё недостаточно: нужно, чтобы эта концепция наделалась не только динамической, но и ситуативной природой, определяемой интересами тех субъектов, которых касается спор о разделе вещи; при этом следует всегда исходить из того, что, поскольку не доказано иное, интересы субъектов соответствуют обычным представлениям участников оборота о ценности вещи в её неделимости.

Современное гражданское право, с его высоким уровнем абстракции, заимствованной от пандектики, едва ли будет склонно допускать сужение гипотезы общего правила о неделимости вещи в специальных нормах, которые предусматривали бы необходимость учёта названных в них интересов сторон, как в виде императивных правил, так и в виде презумпций, противоположных указанному выше правилу по умолчанию. Но мы полагаем, что отказываться от таких возможностей, пусть и в нечастых случаях, нецелесообразно. Трудно удержаться от того, чтобы не отдать дань восхищения нормотворческой изощрённости ФГК, который, в противоположность германскому совершенству образования абстрактных понятий, нимало не смущаясь употреблением житейских обозначений вещей, содержит в изобилии нормы, предусматривающие правопреобразовательное соединение вещей¹¹.

И всё же подобный регулятивный экспансионизм ныне заслуженно будет считаться старомодным и неэффективным¹². Важнее вооружить практику ясным пониманием того, что при решении дела, где требуется применить правообъектный режим неделимой

вещи, то есть там, где нужен ответ на вопрос, является ли вещь неделимой, суды должны исходить из контекста спорного правоотношения во всей полноте распознавания интересов его сторон. В этих целях правило п. 1 ст. 133, закрепляющее формулу правообъектного режима неделимой вещи, представляется правильным изложить в следующем виде: «Вещь, которая выступает в обороте как единый объект вещных прав, является неделимой вещью и в том случае, если она имеет составные части. Вещь признаётся единым объектом вещных прав согласно обычным представлениям участников гражданского оборота, если иного не следует из представлений сторон спора об её разделе».

Примечания

¹ Теория субъективного гражданского права как юридического выражения интереса, вменённого нормой позитивного законодательства участникам гражданского правоотношения, раскрывается во многих работах автора этой статьи (см., например: [Вольфсон 2017: 11–27]).

² Предметная критика школы свободного права (*Freirechtsschule*), течения научной мысли начала XX в., которая является истоком этих воззрений, содержится ещё в труде И.А. Покровского «Основные проблемы гражданского права». Особо стоит отметить упреки, адресованные тому ответвлению этой школы, которое полагает возможным некий объективистский и при этом отличный от содержания догмы критерий судебного усмотрения [Покровский: 102–108].

³ Одна из самых известных формул научного отказа от метафизического мышления в указанном смысле принадлежит Л. Витгенштейну: «Правильным методом философии был бы следующий: не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано, – следовательно, кроме предложений естествознания, т. е. того, что не имеет ничего общего с философией, и затем всегда, когда кто-нибудь захочет сказать нечто метафизическое, показать ему, что он не дал никакого значения некоторым знакам в своих предложениях» [Витгенштейн].

⁴ Важнейшее явление в философской мысли XX века, с которым связывается переключение её внимания к проблемам языка и, шире говоря, к верификации философских высказываний. Значительную роль в этом движении сыграли философы-позитивисты Л. Витгенштейн, Б. Расселл и А.Ф. Айер. Одним из неизбежных следствий и одновременно побудительных причин лингвистического поворота была неудовлетворённость в типе мышления, которое неопозитивисты называли метафизикой, имея в виду при этом открытость к суждениям, неспособным к верификации.

⁵ Традиционно эта проблема решалась как путём выделения группы, которая отнесена к недвижимости в силу закона (у нас это абз. 2 и 3 п. 1 ст. 130 ГК), так и через институты мобилизации либо иммобилизации, почти не известные отечественному праву [Лапач: 349].

⁶ «Части вещи, которые не могут быть отделены одна от другой без уничтожения или изменения сущности вещи (существенные части), не могут быть предметом самостоятельных прав».

⁷ Термин из трудов И. Канта, означающий такое понимание философом мира вещей, при котором исключается познание того, что такое вещь за рамками опыта, – всё, что человек может знать о вещи, сообщается опытным восприятием. Считается, что принятый ранее в русскоязычной традиции перевод «вещь в себе» неточен, ибо создаёт представление о возможности существования вещи и «не в себе», а поэтому следует переводить кантовскую категорию как «вещь сама по себе».

⁸ Вопрос о делимости дома традиционно решается в гражданском праве неоднозначно. В Своде законов Российской империи дом не причислялся к перечню вещей, неделимых в силу закона, хотя доктрина склонялась именно к такому выводу. Против этого выступал Г.Ф. Шершеневич, считавший, что «по существу дом должен предполагаться вещью раздельною, но что предположение это может быть опровергнуто доказательством невозможности деления данного дома с сохранением за частями экономического значения целого» [Шершеневич, 172].

⁹ Для определения составной части неделимой вещи законодатель решил воспользоваться одним из факультативных критериев, предложенных в Концепции: «Замена одних составных частей неделимой вещи другими составными частями не влечет возникновения иной вещи, если при этом существенные свойства вещи сохраняются».

¹⁰ В некоторых источниках эта концептуальная и ценностная неделимость, выраженная в признании вещи единым объектом, именуется «юридической неделимостью» [Постатейный комментарий: 49]. Однако такое словоупотребление создаёт представление, будто неделимость в виде невозможности раздела без изменения назначения является заданной естественными свойствами. Выше мы уже говорили, что и такая «простейшая» неделимость является всегда юридической, принимающей во внимание свойства объекта как блага.

¹¹ Речь идёт о разного рода конструкциях, и вовсе не только ведущих к возникновению неделимой вещи, в частности – о соединении вещей без образования новой вещи или же об обращении движимых вещей в недвижимые по признаку хозяйственной принадлежности (destination) – иммобилизации

либо изъятию их из-под режима недвижимого имущества (мобилизация). При этом как таковое деление вещей на делимые и неделимые в ФГК отсутствует. На взгляд автора, наиболее интересный материал содержится в ст. 525 Кодекса.

¹² Что вовсе не свидетельствует о ненужности нашему праву самих концепций, которые стоят за этими избыточными правилами и которые в нём по существу отсутствуют. Вероятно, справедливым остаётся указание В.А. Лапача, высказанное учёным более двадцати лет назад, о явно недостаточном внимании отечественной доктрины к проблемам правосоздающего или правоизменяющего соединения вещей [Лапач: 349].

Список литературы

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. И. Добронравова, Д. Лахути. Москва: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2008. 288 с.

Вольфсон В.Л. Об иммобилизации и мобилизации в Гражданском кодексе Наполеона // Энергия Ци. Цивилистика головного мозга: группа. URL: <https://clck.ru/xiPL8> (дата обращения: 4.09.2022).

Вольфсон В.Л. Право пассажира на отказ от перевозки как модель соблюдения принципа договорного равновесия в обязательствах по оказанию услуг // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3 (65). С. 50–67.

Вольфсон В.Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. Москва: Проспект, 2017. 144 с.

Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2018. 1040 с.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Недвижимые и движимые вещи. Ценные бумаги. Защита чести, достоинства и деловой репутации. Охрана частной жизни. Постатейный комментарий к главам 6–8 / В.В. Андропов, Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников [и др.]; под ред. П.В. Крашенинникова. Москва: Статут, 2016. 208 с.

Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 2. Учение о вещах. Учение о юридической сделке / под ред. В.А. Томсинов. Москва: Зерцало-М, 2015. 320 с.

Капанетов А.Г. Экономический анализ права. Москва: Статут, 2016. 528 с.

Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009).

Лапач В.А. Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2002. 544 с.

Мейер Д.И. Русское гражданское право. 4-е изд. Москва: Статут, 2021. 846 с.

Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Москва: Статут, 1998. 353 с. Сер.: Классика российской цивилистики.

Рахвалова Д.О. К вопросу о неделимости сложной вещи // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 2 (43). С. 329–332.

Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.): в 2 т. Т. 1. Учебник русского гражданского права. Репр. 10-го изд., 1912 г. Москва: Статут, 2021. 838 с.

Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 1. Основы.: пер. с нем. Москва: Междунар. отношения, 2000. 480 с.

References

Vitgenshtein L. *Logiko-filosofskii traktat* [The Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow, Kanon+, ROOI «Reabilitatsiia» Publ., 2008, 288 p. (In Russ.)

Vol'fon V.L. *Ob immobilizatsii i mobilizatsii v Grazhdanskom kodekse Napoleona* [On immobilization and mobilization of objects in the Napoleonic Code]. *Energia Tsi. Tsivilistika golovnoy mozga: Gruppy* [‘Qi Energy. The Civil-Law Doctrine of the Brain’ Group]. URL: <https://clck.ru/xiPL8> (access date: 4.09.2022). (In Russ.)

Vol'fon V.L. *Pravo passazhira na otkaz ot perevozki kak model' sobliudeniia printsipa dogovornogo ravnovesiia v obiazatel'stvakh po okazaniyu uslug* [Right to Cancel a Contract of Carriage by the Passenger: a Model to Maintain a Contractual Balance in the Obligation to Provide Services]. *Leningradskii iuridicheskii zhurnal* [Leningrad Legal Journal], 2021, № 3 (65), pp. 50-67. (In Russ.)

Vol'fon V.L. *Protivodeistvie zloupotrebleniiu pravom v rossiiskom grazhdanskom zakonodatel'stve* [Remedies Against Abuse of Rights in the Russian Civil Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2017, 144 p. (In Russ.)

Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. T. 1 [Civil Law Textbook: in 3 vols. Vol. 1], ed. by A.P. Sergeev, 2nd ed., amended and revised. Moscow, Prospekt Publ., 2018, 1040 p. (In Russ.)

Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Nedvizhimye i dvizhimye veshchi. Tsennyye bumagi. Zashchita chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii. Okhrana chastnoi zhizni. Postateinyi kommentarii k glavam 6–8 [The Civil Code of the Russian Federation. Movable and Real Property. Securities. Legal Defences of Honor, Dignity and Business Reputation. Protection of Private Life. Article-by-article commentary to Chapters 6-8], V.V. Andropov, B.M. Gongalo, P.V. Krashennikov etc., ed.

by P.V. Krashennikov. Moscow, Statut Publ., 2016, 208 p. (In Russ.)

Diuvernua N.L. *Chteniia po grazhdanskomu pravu. T. 2. Uchenie o ve-shchakh. Uchenie o iuridicheskoi sdelke* [Readings on the Civil Law. Vol. 2. The Doctrine of Properties. The Doctrine of Legal Deal], ed. by V.A. Tomsinov. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2015, 320 p. (In Russ.)

Karapetov A.G. *Ekonomicheskii analiz prava* [Economic Analysis of Law], Moscow, Statut Publ., 2016, 528 p. (In Russ.)

Kontsepsiia razvitiia grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009) [The Civil Legislation of the Russian Federation: Concept of Development. Approved on October, 7, 2009 by the decision of the Council on codification and improvement of civil legislation under the President of the Russian Federation]. (In Russ.)

Lapach V.A. *Sistema ob"ektov grazhdanskikh prav. Teoriia i sudebnaia praktika* [The Civil-Law Objects System. Theory and Judicial Practice]. St. Petersburg, Yuridicheskyy Tsentr Press Publ., 2002, 544 p. (In Russ.)

Meier D.I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [The Russian Civil Law], 2nd edition, Moscow, Statut Publ., 2021, 846 p. (In Russ.)

Pokrovskii I.A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of the Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 1998, 353 p. Ser.: Classic Texts of the Russian Civil Law Science. (In Russ.)

Rakhvalova D.O. *K voprosu o nedelimosti slozhnoi veshchi* [On the Issue of Legal Indivisibility of a Complex Thing]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law], 2018, № 2 (43), pp. 329-332. (In Russ.)

Shershenевич G.F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava: (po izdaniyam 1912 i 1914-1915 gg.): v 2 t. T. 1* [The Textbook on the Russian Civil Law Compiled from the Editions of 1912 and 1914-1915: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Statut Publ., 2021, 838 p. (In Russ.)

Tsvaigert K., Ketts Kh. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2 t. T. 1. Osnovy, per. s nem.* [Introduction to the Comparative Legal Studies: in 2 vols. Vol. 1. Fundamentals. Trans. from German]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniia Publ., 2000, 480 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.09.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 08.12.2022.

The article was submitted 12.09.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 08.12.2022.